

Устная история русско-китайской семьи как источник реконструкции этнокультурной идентичности потомков русско-китайских браков дальневосточного порубежья

Яна Викторовна Зиненко
Ольга Евгеньевна Цмыкал

(Амурский государственный университет: Российская Федерация,
675000, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21)

Аннотация. В статье представлены результаты полевой работы ученых Центра изучения дальневосточной эмиграции и лаборатории фронтирных исследований Амурского государственного университета в среде русских китайцев (представителей семьи Кочмарёвых), проживающих в условиях русско-китайского порубежья. Актуальность исследования обусловлена интересом современной российской науки к механизмам формирования и сохранения этнической самобытности русских и представителей метисированного населения, один из родителей которых является русским. Дальневосточный фронт — историческая зона контактов русских с представителями других этносов, наиболее многочисленным из которых являются китайцы (ханьцы). Русско-китайские союзы — нередкое явление на этой территории. Потомки таких союзов по-разному воспринимают собственную этнокультурную принадлежность. Устная история семьи отражает социокультурные и этнокультурные процессы, протекающие на территории дальневосточного фронта в XX — начале XXI в., а также специфику этнокультурной идентичности представителей двух поколений одной русско-китайской семьи. Сделан вывод, что на формирование этнической самоидентичности русских китайцев оказывают влияние разные факторы, в числе которых, помимо генетической этнической принадлежности, социальное окружение, воспитание, историко-политическая обстановка.

Ключевые слова: этническая идентичность, этнокультурные процессы, порубежье, русские, китайцы.

Исследование выполнено в рамках гранта АмГУ «Мир этнических культур в востоковедении дальневосточного фронта (по материалам архивов)».

Дата поступления статьи: 27 октября 2024 г.

Дата публикации: 25 марта 2025 г.

Для цитирования: Зиненко Я. В., Цмыкал О. Е. Устная история русско-китайской семьи как источник реконструкции этнокультурной идентичности потомков русско-китайских браков дальневосточного порубежья // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 2. С. 151–163.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2025.26.2.011>

Предлагаемая вниманию читателя статья является результатом продолжительной полевой работы сотрудников Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета [Центр изучения] и лаборатории фронтирных исследований АмГУ в рамках научного направления «Основы этнокультурной идентичности в условиях русско-китайского порубежья».

Миграционные процессы, межэтнические контакты, этнокультурный и социокультурный опыт адаптации русских и китайцев на территории дальневосточного *фронтира*, или *порубежья*¹, находятся в фокусе внимания указанных научных коллективов уже более 20 лет [Забияко, Кобызов, Понкротова 2009; Зиненко, Цзюй Кунь 2015; Забияко, Забияко, Зиненко, Чжан Жуян 2016; Забияко, Забияко 2017; Зиненко 2018; Забияко, Зиненко, Чжан Жуян 2020; Зиненко, Цмыкал 2020; Археология и этнография Приамурья 2024].

Настоящая работа посвящена изучению основ этнокультурной идентичности представителей семьи Кочмарёвых (Сунь) — Зинаиды и Владимира, жителей дальневосточного фронтира, и основана на их меморатах (устных историях) [Забияко, Забияко 2017; Забияко, Зиненко, Чжан Жуян 2020]². Собранные материалы позволяют отчасти реконструировать историю присутствия китайцев и их потомков в указанной контактной территории в XX–XXI вв., социокультурные, этнокультурные процессы, проблемы восприятия этничности и этнической идентификации русских, китайцев и потомков русско-китайских браков. Особое значение для работы имеют эпизоды изу-

чаемых меморатов, в которых отражается проблема этнокультурной идентичности метисизированного населения русско-китайского порубежья.

Исторически Амурская область, Забайкальский и Хабаровский края (территории, на которых в разное время своей жизни проживали наши респонденты) — это места, где этнокультурное взаимодействие между местными (эвенками, якутами, нанайцами и т. д.) и пришлыми (русскими, китайцами) народами — явление постоянное. С приходом сюда в XVII в. русских устанавливаются первые контакты коренным населением, а позже — и с подданными Китая [Археология и этнография Приамурья 2023, 201–225]. В XIX в. после подписания Российской империей и цинским Китаем Айгуньского (1858), Тяньцзиньского (1858) и Пекинского (1860) договоров начинается активное переселение на земли Дальнего Востока подданных России. С другой стороны, в конце XIX в. начинается динамичное освоение китайцами (ханьцами) маньчжурских земель и выход их на земли российского Дальнего Востока. Китайцы активно мигрировали в русские города (например, в Читу, Благовещенск, Хабаровск) и близ расположенные населенные пункты в поисках работы. Эти переселенцы могли заниматься торговлей, огородничеством, лесозаготовками, золотодобычей и другими сезонными работами [Там же].

Межэтнические браки и случаи сожительства между русскими и китайцами не являлись редкостью на территории дальневосточного фронтира (это касалось не только российской стороны, но и китайской, например, округа Хэйхэ и Трёхречья

¹ Согласно определению А. П. Забияко, *фронтир* (от англ. frontier) — «контактная зона между странами, народами или культурами, в сущности, синонимичный русскому понятию порубежье» [Забияко 2010, 6]. *Территорией дальневосточного фронтира* в данной работе называется контактная зона между Россией и Китаем, в которую входят такие регионы, как Амурская область, Забайкальский и Хабаровский края, а также территории Центрального и Северо-Восточного Китая.

² Как отмечают А. А. и А. П. Забияко, «...семейный меморат — это не только память о прошлом. Хранящееся в меморате знание обеспечивает функционирование этнокультурного сознания в реальном настоящем — оно снабжает человека закрепленными в традиции образами, нормами» [Забияко, Забияко 2017, 307].

[Там же, 201–225; 242–262]). Русские женщины охотно шли за китайцев. Данное явление, по мнению наших информантов, было связано с тем, что качества китайского характера виделись русским женщинам подходящими для брака [Зиненко 2018; Забияко, Зиненко, Чжан Жуань 2018; Зиненко, Цмыкал 2020]. Объективными факторами служили суровые климатические условия и тяжелые условия труда, из-за которых продолжительность жизни русских мужчин существенно снижалась. Первая мировая война, а затем Гражданская война унесли немало жизней мужчин-дальневосточников, из-за чего китайцы зачастую оказывались для дальневосточных женщин единственным шансом обрести семью и детей. От подобных союзов были рождены, к примеру, наши респонденты Н. Ж. Цмыкал, В. В. Белоусова, А. А. Цикун. В Зейском районе Амурской области была образована китайская диаспора [Зиненко 2018].

Русскими китайцами в настоящем исследовании называются потомки китайцев и детей обрусевших китайцев, проживающих на территории дальневосточного фронта. Под *метисами* понимаются дети, рожденные в русско-китайских союзах, где отец — китаец, мать — русская.

Первое из рассматриваемых интервью с Зинаидой Михайловной Кочмарёвой и Владимиром (Сунь) Кочмарёвым было записано в декабре 2020 г., участники: А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, О. Е. Цмыкал. Второе интервью было записано в марте 2021 г., участники: Я. В. Зиненко, О. Е. Цмыкал.

Зинаида Михайловна Кочмарёва (Чжин На) родилась в 1936 г. в Забайкальском крае от русской матери Татьяны и отца-китайца Чжоу Гуанцзя, переводчика, разведчика, персонального пенсионера [Археология и этнография Приамурья 2023, 217]. Зинаида Михайловна воспитывалась в детском доме: мать бросила ее и брата Колю, отец вынужден был вернуться в Китай по приказу китайского правительства, когда дети были еще маленькими. В юности Зинаида работала на швейной инвалидной фабрике, в

1953 г. была найдена отцом и приглашена в Китай, но вернулась в СССР после окончания курса «культурной революции» в Китае. В Забайкальском крае на станции Отпор (в наст. время Забайкальск) познакомилась с будущим мужем — китайцем Сунь Пэном, от которого родила единственного сына Владимира. Владимир до окончания 8-го класса носил фамилию отца — *Сунь*, по окончании средней школы изменил фамилию на *Кочмарёв* (материнскую), так как считал себя русским (когда его называли китайцем, обижался). После рождения сына Зинаида Михайловна переехала в Хабаровский край, где прожила до 1990-х гг. В 90-х гг., овдовев, переехала в п. Николаевка Зейского района Амурской области к сыну. В настоящее время проживает в г. Благовещенске Амурской области, поддерживает отношения с сестрами-китайками, родившимися в Китае от второго брака отца. Идентифицирует себя как русская.

Владимир (Сунь) Кочмарёв родился в 1964 г. в Забайкальском крае от матери-метиски Зинаиды и отца-китайца Сунь Пэна, переводчика, который был вынужден вернуться в Китай после рождения Владимира. Сунь Пэн после отъезда в КНР писал письма, отправлял посылки сыну. В 1980-е гг. Владимир наконец лично познакомился с отцом и в дальнейшем поддерживал с ним общение. Вырос наш респондент в Хабаровском крае, в 1990-х гг. переехал в п. Николаевка Зейского района Амурской области, в настоящее время проживает в г. Благовещенске, считая этот город наиболее комфортным для себя в силу близости русско-китайской границы. От трех браков имеет 5 сыновей.

ИСТОРИЯ РУССКО-КИТАЙСКОЙ СЕМЬИ

В рассматриваемых в данном блоке мемуарах повествуется об истории семьи Зинаиды Михайловны, ее детстве, восприятии отца-китайца. В них отражаются также социокультурные и этнокультурные взаимоотношения русских и китайцев. Излагаемые события происходят в Забайкальском крае, где исторически про-

ходила граница с Китаем, а также было установлено железнодорожное сообщение, связывавшее СССР и КНР по линии КВЖД через ж/д станцию Отпор, ныне Забайкальск, и станцию Маньчжурия в Китае. Этим путем в 1946 г. выехала из СССР известная в России и Китае Елизавета Павловна Кишкина (Ли Ша) с дочерью Инной Александровной Ли (Ли Иннань)³.

Рассказ Зинаиды Михайловны об истории ее семьи охватывает временной промежуток с 1920-х по 1960-е гг.

Чжоу Гуанцзя (Михаил) — отец Зинаиды Михайловны — прибыл в 1923 г. в Амурскую область как сторонник коммунистических преобразований в Китае, вступил в марксистский «Восточный рабочий клуб», прекрасно овладел русским языком. «Так, а это мой отец, он очень такой <...> известный в Китае. Он жил в России <...> двадцать лет. И он хорошо изучил русский язык, красиво говорил и сам был красивый: высокий такой, немолодой был. Очень много приносил пользы там (в Китае. — Авт.)» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, 1936 г. р., г. Благовещенск, Россия. Соб. А. А. Забияко, Я. В. Зиненко, О. Е. Цмыкал. 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ]. После оккупации Японией Маньчжурии в 1931 г. Чжоу Гуанцзя активно участвовал в антияпонском сопротивлении, в 1938 г. поступил в Дальневосточное разведывательное управление. После окончания спецшколы собирал секретную информацию, передавал разведанные СССР, участвовал в освобождении Северо-Востока Китая, а также в корейской войне [Археология и этнография Приамурья 2023, 217]. «Он в солдатах был. Он и в Японии воевал, и в Корее воевал, и везде воевал. Его специально брали переводчиком» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше). Чжоу Гуанцзя проживал в Забайкальском крае с русской женщиной Татьяной, в союзе с которой были рождены дети Зинаида (Чжин На) и Коля. В силу историко-политической ситуации ему пришлось оста-

вить семью и вернуться в Китай. «К отцу приехал какой-то представитель, красивый — я помню, мне уже семь лет было, даже восьмой, — в шинели длинной, красивый такой. Просто его начали забирать переводчиком в это, в Китай. А я-то еще не имела понятия, что вот это, переводчик. Отец разошелся с матерью. Мать вообще ни одного класса не кончила, не умела читать. И куда-то убежала и нас с братом бросила. Она где-то была — неизвестно, а отец еще работал фотографом, и вдруг его забирают на службу в Японию (для участия в освобождении Маньчжурии от японской оккупации. — Авт.), переводчиком. Приехал человек и... А отец взял какой-то женщины совсем незнакомой, представляете? А у нее двое детей — Рая и эм... Рая и Боря. А эта женщина совсем-совсем плохая была. Она работала уборщицей на вокзале — станция Ксеновская, Читинская область. Я там и родилась. Ну, этот вот мужчина сказал: "Отдай детей в детдом, в Зею". <...> Он (отец. — Авт.) подумал, что он потом из детдома не может нас забрать. Вот это вот его большая-большая ошибка. Ну и ладно. Он оставил, а он это женщину совсем не знает, совсем <...>. Она русская была, но дети были метисы. Ага, и вот он на этой почве... Что у нее дети такие же. Ну и ладно. Он... раз государство отправляет его. Он купил дом ей, корову купил, пособие было 250. Ну, было пособие от государства. Она, эта женщина, — легкого поведения, вообще, нехорошая, неграмотная, неумная, тупица, ну вообще. Она сразу же нас выгнала обоих. Говорит: "идите к матери". А мать вообще, куда девалась — неизвестно. Мне кажется, мне уже даже восемь было, ну, у меня уже нога болела. Ага... и он нас оставил и уехал. А нога еще при матери болела. Говорит, это они (родители. — Авт.) еще не расходились. Мать куда-то пошла, а я за ней погналась и это, упала. И всё. А они разошлись — никто не лечил. Надо было в Читку везти, куда, а потом чё — в детдоме вот так

³ Муж Елизаветы Павловны Ли Лисань — знаменитый китайский революционер, сама Елизавета Павловна — заслуженный профессор Университета иностранных языков в Пекине.

жила. Я года четыре, наверное, лежала в больнице там, никому не нужна. Во время войны. Всю войну я пролежала, а потом приехали врачи — с войны или откуда ли, и говорят: «чѐ это она тут?» И гипс сняли мне, а она уже не гнется. И говорят: «надо ее в детдом». И меня как щенка бросили, увезли в детдом в деревню какую-то там. И из деревни этой вот определили в инвалидно-швейную. Ну, вообще, всё худо. Ну и ладно. Когда, в общем, она нас выгнала, говорит: «идите к своей матери». А матери вообще нету. Ну и мы, я помню, я уже помню хорошо, что мы на завалинках сидели грязные, голодные, у нас чесотка, вши были. Ну а потом, во время войны, это 42-й — 43-й или какой, ну или вот, в это время. Всех подбирали этих беспризорников — и нас в детприёмник. А Коля простыл, с воспалением легких, и всё, и это, ну и умер, я его даже не видела» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, 1936 г. р., см. выше).

Так Зинаида Михайловна осталась в Забайкальском крае без родителей, потеряла брата и оказалась в детском доме.

«Там большие парни, большая комната, детсад был — отобрали. Вот меня там били, и хлеб отбирали, и всё. А меня опять вот забросили в больницу. И сколько лет я была там в больнице — я не знаю. Я со стулом ходила. <...> Там детская палата была 9 человек, все умерли, а я живая осталась — каким образом, я не знаю. Ну и ладно. Ну вот, было мне уже, наверное, 12 или 13, или 11, и меня вот забросили, уже второй раз, в этот, в детдом, а детдом был в деревне. <...> А детдом расформировали. <...> И меня привели в швейную. Город Балей, ага. И вот я в городе Балее, нас, меня привезли в город Балей. <...> А вот этот швейно-инвалидный такая шарашка была, ужасно. Но надо шесть месяцев учиться. <...> Шесть месяцев прошло — я ничему не научилась. Ну, мышили на электрических машинках, спецовкушили. А шесть месяцев учились, нам должны были давать ученические, а бухгалтер нам не давал, всё пропивал» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше).

Сиротство, отсутствие воспитания и качественного образования (аттестат о

восьмилетнем обучении Зинаида получила уже после рождения сына), безусловно, оказали влияние на восприятие женщиной собственной этничности. Зинаида Михайловна, несмотря на отца-китайца, не считала (и не считает) себя китайкой, не предпринимала попыток найти отца. Чжоу Гуанцзя, прекрасно владевший русским языком, очевидно, не обучал детей китайскому и не знакомил их с китайской культурой, в том числе бытовой. В дальнейшем это стало причиной того, что Зинаида Михайловна, выехав в Китай, несмотря на покровительство отца, обеспечившего ей проживание и прекрасную работу, не смогла там прижиться.

ОСНОВЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕМЬИ КОЧМАРЁВЫХ

Наши респонденты принадлежат к разным поколениям, они росли и выросли в разной историко-политической и социальной обстановке. Это во многом обуславливает и разницу в их этнокультурной самоидентификации. Зинаида Михайловна считает себя русской, ее сын Владимир с годами (после достижения двадцатилетнего возраста) стал воспринимать себя русским китайцем.

После образования КНР Чжоу Гуанцзя начинает искать оставленных в СССР детей. В 1950-е гг. он находит дочь Зинаиду в Забайкальском крае и приглашает ее жить к себе в Китай. «И вот как раз отец-то и приехал в это время, а я уже говорила, что я на полу спала, и у меня ни одежды, ничѐ не было. <...> А отец посмотрел, какое бедственное положение, а забрать меня в Китай, не забрать — ничѐ не понять. Ну, в общем, нехотя, нехотя, оформили документы (в СССР, для выезда в Китай. — Авт.), через полгода пришили документы. <...> В 56-м он, наверное, приехал, приблизительно так. Ну, у него уже там была семья, вторая семья, он женился. Был мальчик и девочка была, небольшие. Ну и ладно. <...> Приехала туда, в Забайкальск. <...> Ну, а отец, я уже говорила, отец договорился в Чите с китайцем. Ты, говорит, одень мою при-

лично» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше).

Зинаида оказалась в Китае непосредственно перед «культурной революцией» [Рябченко 2013]. Несмотря на условия, созданные отцом (жилье, хорошая работа, материальное обеспечение), девушка не смогла принять Китай и встроиться в инокультурную среду. Не помогло и то, что внешне Зинаида мало отличалась от молодых китайнок: «...отец приехал, посмотрел. Ну, пойдём по магазинам, одеться надо. Ну, ходили, ходили по магазинам, одеться. Ну, зашла в парикмахерскую, обрезают меня, накрасили волос и завивку сделали. И я настоящая китайка. Да я и так похожа. Ну, и пошли, платьишко какое-то одели простое. Ну, приехали мы. Отец привез меня к себе, ну, в семью, домой. Я посмотрела, а квартира японского стиля (здесь З. М. имеет в виду китайский стиль квартиры. — Авт.). И когда мы приехали домой к нему, а мне не нравится стиль, это всё, ну, не наше. Мне нравится простая изба, шторочки, побелено, помыто. <...> А в Шэньяне, мы ещё когда были в Шэньяне, в какую-то столовую, а отец же знает, что я по-китайски не хочу и если не умею разговаривать. Он мне говорит во всем, а я брындю: то не хочу, другое. Рис такой в чашке, а я даже ни разу не видела, что рис-то. А масло сливочное, чтоб по-русски? Ну как, говорит, ешь так. И старался хлеб купить, и масло сливочное купить, и всё. Старался, старался... ну, в общем, а меня уже турнули из Шэньяна, институт педагогический, а он меня определил в институт, ой, в техникум, в горный техникум. И я там работала машинисткой» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше).

Зинаида Михайловна на протяжении нашей беседы неоднократно отмечала положительное к ней отношение в китайском обществе, виня себя в необразованности и нежелании учиться: «Девочки хорошие очень, одна преподавала китайский язык, другая — математику, а третья, забыла, физкультуру или чё-то такое. Мне бы надо учить китайский язык, как вот отец был китаец, он выучил хорошо-

хорошо и говорил красиво по-русски, без акцента, без всего. Его даже из-за этого уважали, что он добился такого уровня. И мне бы надо выучить китайский язык хорошо. Я же пять лет там прожила, а когда я поехала, отец меня провожал, плачет и говорит: “Никому не говори, что ты в Китае жила”. Потому что нельзя было говорить об этом, ага... ну, я и не говорила, а как-то <...> жила, жила... работала в Горном институте, а сама... хочу же в Советский Союз, думаю... Сижу, сижу и напишу письмо в Харбин заявление, что я хочу выехать. Ну, они мне... выезжай, согласны. А меня отец задерживает. Потом я опять пишу. <...> Потому что у меня не было знаний никаких, а я попала в такую среду — там эти... доценты, аспиранты, профессора... Ну, мне совсем, ну... Если я не училась нигде — ни в институте, ничё — я как в лесу. Я не могу выразить, во мне слов не хватает. Мне в такой обстановке — никак. Ну, если бы прикрепили ко мне какого-то человека, и чтобы подталкивали, чтобы что-то... Они мне наложжили столько книг много, говорят: вот, учи и будешь преподавать русский язык, потому что ты хорошо русский знаешь. Но там была культурная революция и... а я это... Отец говорит: “Ну, поживи ещё, поживи ещё”, а я — не хочу, но я работала... ага... я вначале работала в Шэньяне в институте, а потом мне... год продержали меня — толку нету. Отцу сказали: “Заберите свою дочь!” И он меня забрал. <...> Когда я приехала через 30 лет, они там сделали мне банкет. Тоже это в 90-м году. <...> Ну, я вот как слепой котенок. Я не использовала шанс такой хороший, и сейчас я вот считаю, например, очень приезжают русские женичины, девушки — они сразу хватаются за китайский язык. А когда выучат китайский язык, они преподают русский язык. И меня отец очень желал, чтобы я преподавала русский язык. Ну, из меня никакого толку. Ну, нету такого развития, нету понятия такого, всё отсутствует» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше).

Накануне провозглашения Мао Цзэ-дуном политического курса «культурной

революции» Зинаида Михайловна очень хотела вернуться в СССР, чувствуя себя в Китае не на своем месте. Отец, знавший, что отношения между Китаем и СССР были испорчены, и понимавший, что в случае возвращения дочери на родину ему, скорее всего, уже не удастся ее увидеть, пытался выдать ее замуж в Китае — таким образом не дать ей уехать: «Ну, я и не жила с ним (с женихом, которого отец нашел. — Авт.) нисколько. Потому что он больной туберкулезом и не мог жить. Но он хотел, очень хотел. Я приехала, посмотрела и сразу же уехала. Ну, там по-деревенски всё, мне вообще... канны... Он хотел меня (взять в жены. — Авт.), ага. <...> Он преподавал тоже русский язык, но в начальных школах. Он (отец. — Авт.) ему даже купил костюм. Просто насильственно... У меня тоже есть свое... взгляд. Я посмотрела — мне не нравится. Отец меня провожал. У меня было одно желание — выехать. Ну, а я думала: если я выйду замуж здесь, то я останусь навсегда. У меня такое, а я не хотела выходить замуж» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше).

В итоге Зинаида Михайловна покинула Китай без сожалений, по-прежнему ощущая себя русской. «Вызвали меня в милицию или чё... И мне предложили, прямо напрямую предложили, говорит: “или менять подданство на Китай, чтобы ты была китайкой, или же выезжать”. Но культурно, умно, деликатно. Ну, я же писала в Харбин. В последний раз они мне сказали: “если вы не выйдете в этот раз, мы аннулируем вам заявление”. Я потом не могу (выехать в СССР. — Авт.). А я даже не понимала слово “аннулируем”, думаю: что такое, что такое? Ну, испугалась. И как раз в это время меня вызвали в милицию и сказали менять подданство. Я думаю: я никогда, никогда не поменяю подданство. Я же вам говорила: я думаю, лучше буду уборщицей работать в России, но в Китае я не хочу. Потому что несовместимо, менталитет совсем другой, языка нету, ничё нету. Я как у разбитого корыта. А отец задерживает: как ты будешь там жить? А я молчу, плачу, плачу. А он

говорит: “Чё ты плачешь?” Он не выносит эти слезы, а я по-своему. Ну, он, конечно, он соображает, он 20 лет жил здесь (в России. — Авт.), он понимает хорошо. Ну и ладно. Когда я поехала в Пекин сама и еще оставалась неделя, чтобы не нарулировали (аннулировали. — Авт.), чтобы не закрыли этот проезд. И я пришла в консульство, и мне поставили печать...» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше).

Зинаида объясняет свое неприятие Китая и всего китайского, помимо прочего, тем, что приехала туда уже взрослой — и совершенно незнакомой с культурой и обычаями: «Про Китай? Ну, есть журналы, читаю, ну, мне Китай. Это не моя, не мой стиль. Хоть и отец — китаец. Ну, это отец-китаец, а я тут с самого, тут родилась, тут выросла, тут работала, тут жила нормально, всё. И сейчас живу нормально. <...> Если бы меня маленькой привезли. <...> А я-то приехала, 22 года, мне ничего не нравится, всё это чуждо мне, даже не знаю. Это совсем не подходит, это не мое, это мне не надо» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше. Соб. Я. В. Зиненко, О. Е. Цмыкал. 2021 г.).

Зинаида Михайловна застала начало «культурной революции». Чжоу Гуанцзя, понимая, что оставаться в Китае далее дочери, не принявшей подданство КНР, опасно, в итоге отпустил ее в СССР: «Да я там жила в это время, как раз шла Культурная революция, поэтому меня и вытолкнули. <...> А там я просидела как в тюрьме, но отец никак не соглашался меня отпускать. Только Культурная революция на него повлияла» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше. 2021 г.). Благодаря своевременному возвращению Зинаиде удалось избежать обвинений в шпионаже и других «преступлениях».

Перед отъездом Чжоу Гуанцзя наказал дочери никому не рассказывать о том, что она жила в Китае, опасаясь преследования со стороны уполномоченных органов СССР: «Он сказал: “никому не говори, что ты была в Китае, и письма не пиши”. Запрет строгий сделал, чтобы я никакого вида не подавала, ничего. Ну, я и молчала, и забыла, что жила в Китае. Я ни-

кому ничего не говорила никогда» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше. 2020 г.).

Из-за сложностей политической обстановки Зинаида еще долго испытывала страх перед неприятностями, которые могла на нее навлечь связь с Китаем. По этой причине она запрещала и сыну Владимиру (на 3/4 китайцу) учить китайский язык: «Да, мама так была напугана, что мне было запрещено разговаривать на китайском языке. Я не разговаривал до 25 лет. Мама говорила, что мне не нужен китайский язык, не интересуюсь ничем таким» (Зап. от Владимира (Сунь) Кочмарёва, 1964 г. р., г. Благовещенск, Россия. Соб. Я. В. Зиненко, О. Е. Цмыкал. 2020 г.) [ЦИДВЭ АмГУ].

Уже в СССР Зинаида Михайловна познакомилась с будущим мужем — как ни странно, китайцем, — от которого впоследствии родила Владимира. «В общем, когда я из Китая ехала, приехала я в Забайкальск. <...> Поезд идет только вечером Чита — Забайкальск, Забайкальск — Чита. Только один раз в сутки идет. Я его проклинаю до сих пор, царство ему небесное. А на вокзале там никого нет, вокзал красивый. Ну, я стою, там журналы продают, я читаю. И он (будущий муж. — Авт.) приходит, а он работал в товарной конторе переводчиком, отец-то. И он пришел на вокзал, а там был душ. И он пришел в душ. И видит меня, я стою одна, ну, китаянка, и одежда — китаянка, и всё. <...> Ну, и он подошел ко мне, я так говорю: “Я из Китая еду, еду в Читу”. А он говорит: “Дай мне адрес”. Я ни с того ни с сего дала ему адрес. Вот и всё. Раз я дала адрес — он приезжает, а бабушка — лишь бы столкнуть меня. <...> Я ему говорила: “Я не хочу тебя, я не хочу, я не люблю тебя”. Я ему просто так сказала, а он говорит: привыкнешь — и прочее. Ну, характер у него был плохой, плохой. Как-то со стулом завернется на меня: пришел с работы, а я пельмени не успела доделать. Ну, в общем, я прожила всего полтора года, только что вот забеременела. <...> В общем, я родила его (сына Владимира. — Авт.), ему было месяц и девять дней, он (муж. — Авт.) нас

покинул, потому что он сделал ошибку. Идёт груз, яблоки с Китая, они переводили, и там как бы калым. Вагоны должны дальше сопровождать, отапливать их и всё на свете. Он тоже взял вагон, взял отпуск и взял вагон и поехал. А он гражданин Китая, ему надо обязательно в милиции отметиться, а он не отметился, он забыл, и я чё-то не обратила внимание. <...> А когда приехал — его уволили с работы. Его уволили, и он говорит: “Я поеду в Китай, а ты потом приедешь”. <...> А я-то не хотела. Говорит: “Ну ты жила в Китае, значит, можешь приехать, ничего страшного”. А я училась в 8-м классе в вечерней школе. И пришла там, и сказала — так и так, а они говорят: “А когда ты поедешь?” Я говорю: “Ну, экзамен сдам за восьмой класс и поеду”. А сама в душе не хотела. Я и сразу там жить не хотела. Ну и ладно. Они говорят: “Ладно, мы отложим ваши документы, потому что других надо оформлять”. Ну, я так помню, а может, и не совсем так. А потом я жду, жду, жду — нету. Я прихожу и говорю: “Ну а как?” Они меня спрашивают, ну, несколько фраз я запомнила. Работа у тебя есть? Я говорю: “Есть”. — “Квартира есть?” — “Есть”. Чё-то там ещё... “А мужа найдёшь!” И всё, отворот» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше. 2020 г.). Так благодаря стечению обстоятельств в очередной раз решилась судьба Зинаиды, причем наиболее предпочтительным для нее образом.

В дальнейшем Зинаида Михайловна переехала с сыном из Забайкальского края в Хабаровский, дважды была замужем за русскими; овдовев, она переехала к сыну. Зинаида Михайловна поддерживает отношения с сестрами-китайками, но подчеркивает, что у нее самой из китайского — только внешность: «И душа, и характер, и менталитет — всё русское. Мы тут родились. Начнешь чё-нибудь говорить — ой, вы китайцы! Откуда ты там должна жить? <...> Русская. У меня и паспорт русский. И выросла я в детдоме. Я совсем русская — характер русский, душа русская, всё русское. А только морда нерусская» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше).

Сына же Владимира Зинаида характеризует следующим образом: «А Вовка настоящий китаец, потому что отец — китаец, дедушка — китаец, мать — китайка. Конечно, он... Нету ничего русского, но характер и душа у него русская, он же тут родился» (Зап. от З. М. Кочмарёвой, см. выше. 2021 г.).

Владимир с юности стал интересоваться Китаем, историей своей семьи, подерживал отношения с отцом-китайцем. В детстве и юношестве ему было неприятно сравнение с китайцами, но после открытия границ и улучшения отношений между Россией и Китаем это перестало его расстраивать. В Благовещенск Владимир переехал по собственному желанию, посчитав, что город на русско-китайской границе — лучшее место для метиса. Себя Владимир идентифицирует как русский китаец: «Я вам честно скажу, что, когда меня называли китайцем, я злился. Прямо вопил страшным голосом. <...> Себя китайцем? Ну, наверное, в первый раз мне пришла посылка от отца после армии. <...> Я вообще в первый раз стремился к тому, чтобы поехать в Китай. И в первый раз я вообще на аукционе купил путевку здесь у нас в Амурской области. И в первый раз я поехал по путевке, собрал всё, что можно было, выиграл аукцион, и я поехал. А мама запрещала мне, чтобы у нас был китайский язык. Вообще, просто запрещала: «Он тебе не нужен». И я в первый раз только, наверное, начал, ну, я, естественно, пытался читать. Читать, узнавать про Китай, про восточные страны, то есть мне было это интересно. Я даже в Благовещенск... Я вот как попал в Благовещенск, это тоже как бы такая в Мухино в Хабаровском крае, где мы жили с мамой, попалась книжка про Благовещенск. Написал ее художник, я вот щас его не помню. Ну, она такая вот небольшая... про свое детство, про город Благовещенск, что он такой зеленый, что в черемухе весь он, что... а в то время все ходили в зеленом. Ну, видимо, город военный был, ну, как бы было модно, наверное, зеленый. И так случилось уже просто, что я уже знал про этот город Благовещенск и

я считал, что наиболее комфортная среда, я буду жить именно в этом городе. Ну, почему-то я так подумал, потому что граница рядом. И в тех местах, где я жил раньше, там не было узкоглазых... ни бурятов не встречалось. То есть я один был такой вот узкоглазый. <...> Наверное, после лет 20–30 я все-таки перестал стесняться... и, может, когда отец приехал, в этот период. <...> Я всегда говорю: «Я русский китаец»» (Зап. от Владимира (Сунь) Кочмарёва, см. выше. 2020 г.). Владимир неоднократно посещал Китай, жил у отца в Харбине, ездил к деду, умеет готовить китайские блюда, говорит на китайском языке, учит ему своих детей.

В заключение отметим, что этнокультурная самоидентификация потомков русско-китайских семей дальневосточного фронта — вопрос сложный и требующий глубокого комплексного изучения. Нередко восприятие собственной этничности у метисов зависит не только от внутренних причин (так называемого голоса крови), но и — возможно, даже в большей степени — от внешних (воспитание, окружение, политическая обстановка и т. д.). Это можно наблюдать на примере «зейских» китайцев, представителей «русской нации» Трёхречья, респондентов, чьи интервью анализируются в данной статье. Зинаида Михайловна Кочмарёва, выросшая среди русских — без какого-либо китайского влияния — и взрослевшая в период ухудшения русско-китайских отношений, демонстрирует ориентированность на сугубо русские культурные доминанты, в то время как ее сын Владимир, воспитывавшийся в отрицании китайской культуры, обнаружил интерес и даже тягу к ней после 20 лет — когда русско-китайские отношения начали улучшаться и открылись границы. При этом, однако, не стоит забывать и о том, что у Владимира китайской крови на четверть больше, чем у его матери, что также представляется нам важным фактором. Стоит принимать во внимание и личные особенности характера, которые могут влиять и на самовосприятие, и на способность к культурной адаптации. В данной статье

мы попытались максимально полно охарактеризовать особенности и специфику формирования этнокультурной идентичности представителей русско-китайской семьи Кочмарёвых (Сунь). К сожалению, в рамках одной публикации сделать это достаточно сложно. Интервью, ставшее материалом для данного исследования, требует дальнейшего изучения. Тем не

Источники и материалы

Центр изучения — Центр изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета. URL: <https://emigrant.amursu.ru/> (дата обращения: 19.06.2024).

ЦИДВЭ АМГУ — Архив Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета.

Исследования

Археология и этнография Приамурья 2023 — Археология и этнография Приамурья / А. П. Забияко, Ван Цзюньчжэн, Д. П. Волков и др. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023.

Забияко 2010 — Забияко А. П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: АМГУ, 2010. С. 6–11.

Забияко 2017 — Забияко А. А. Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде // Забияко А. П., Забияко А. А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 182–209.

Забияко, Забияко 2017 — Забияко А. П., Забияко А. А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017.

Забияко, Забияко, Зиненко, Чжан Жуян 2016 — Забияко А. А., Забияко А. П., Зиненко Я. В., Чжан Жуян. Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 185–198.

Забияко, Зиненко, Чжан Жуян 2018 — Забияко А. А., Зиненко Я. В., Чжан Жуян. Беседы с русской харбинкой: Любовь Николаевна Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. Вып. 12: Сб. матер. Междунар. науч.-практ.

менее отрывки меморатов, приведенные в статье, отражают социокультурные и этнокультурные процессы, протекающие на территории дальневосточного фронта в XX–XXI вв. и вносят вклад в изучение специфики формирования этнической идентичности русско-китайских жителей дальневосточного фронта.

конф. / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: АМГУ, 2018. С. 212–229.

Забияко, Зиненко, Чжан Жуян 2020 — Забияко А. А., Зиненко Я. В., Чжан Жуян. «Мама — русская, папа родной — китаец, второй папа — китаец»: мемораты потомков русско-китайских браков в Амурской области // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Вып. 13: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: АМГУ, 2020. С. 314–336.

Забияко, Кобызов, Понкраторова 2009 — Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкраторова Л. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: АМГУ, 2009.

Зиненко 2018 — Зиненко Я. В. «Зейские» китайцы: проблема сохранения этничности и этнической идентификации китайских потомков в России // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода. Вып. 12: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: АМГУ, 2018. С. 230–234.

Зиненко, Цзюй Кунь 2015 — Зиненко Я. В., Цзюй Кунь. «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50-х гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11: Сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: АМГУ, 2015. С. 353–364.

Зиненко, Цмыкал 2020 — Зиненко Я. В., Цмыкал О. Е. Устная история амурских китайцев // Россия и Китай: мысли о прошлом, взгляд в будущее: Матер. Междунар. науч. конф. Комсомольск-на-Амуре: АМГПУ, 2020. С. 299–306.

Рябченко 2013 — Рябченко Н. П. История Китая в XX веке // Россия и АТР. 2013. № 1 (79). С. 128–132.

Цзюй Куньи 2019 — Цзюй Куньи «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 120–135.

Чжан Жуян 2019 — Чжан Жуян «Да, похо-

ронили вместе, по обычаю Советского Союза»: погребальные традиции русских Трёхречья в семейных фотографиях // Традиционная культура. 2019. № 4. С. 88–96.

© Я. В. Зиненко, О. Е. Цмыкал, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зиненко Я. В. <https://orcid.org/0000-0001-6255-9756>

Кандидат философских наук, доцент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета: Российская Федерация, 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21; тел.: + 7 (4162) 23-45-60; e-mail: yasya11111@mail.ru

Цмыкал О. Е. <https://orcid.org/0000-0001-7622-7437>

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета: Российская Федерация, 675027, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21; тел.: + 7 (4162) 23-45-60; e-mail: olgatsmykal@yandex.ru

The Oral History of the Russian-Chinese Family as a Source for Studying the Ethnocultural Identity of the Descendants of Russian-Chinese Families on the Far Eastern Frontier

Yana V. Zinenko

Olga E. Tsmyskal

(Amur State University: 21, Ignatievskoe Hwy,
Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation)

Summary. *This article presents the results of the field work of scholars from the Center for the Study of Far Eastern Emigration and the Laboratory of Frontier Studies of Amur State University among a Russian-Chinese family (the Kochmaryovs) living in the Russian-Chinese borderland. Modern Russian scholarship takes an interest in the mechanisms of the formation and preservation of Russian ethnic identity and of that of inter-ethnic populations. The Far Eastern frontier is a historical zone of contacts between Russians and representatives of other ethnic groups, the most numerous of which are the Chinese (Han). Russian-Chinese marriages are not uncommon in this territory. How do the descendants of such unions perceive their own ethnocultural affiliation? The oral history of the Kochmaryov family reflects the sociocultural and ethnocultural processes taking place on the Far Eastern frontier in the twentieth and early twenty-first centuries, as well as the specifics of the ethno-cultural identity of two generations of this Russian-Chinese family. The authors of the study conclude that the formation of ethnic identity of Russian Chinese is influenced by a variety of factors, among which, in addition to genetic markers of ethnicity, include the social environment, upbringing, historical and the political situation.*

Key words: ethnic identity, ethnocultural processes, frontier, Russians, Chinese.

Acknowledgements. *The study was carried out within the framework of the Amur State University grant “The World of Ethnic Cultures in Oriental Studies of the Far Eastern Frontier (Based on Archive Materials)”.*

Received: October 27, 2024.

Date of publications: March 25, 2025.

For citation: Zinenko Ya. V., Tsymkal O. E. The Oral History of the Russian-Chinese Family as a Source for Studying the Ethnocultural Identity of the Descendants of Russian-Chinese Families on the Far Eastern Frontier. *Traditional Culture*. 2025. Vol. 26. No. 2. Pp. 151–163. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2025.26.2.011>

References

Arkheologiya i etnografiya Priamur'ya [Archeology and Ethnography of the Amur Region] (2023). Ed. by A. P. Zabyako Van Tszyun'-chzhehn, D. P. Volkov etc. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. In Russian.

Ju Kunyi (2019) "Kharbinskii tekst" pervoi poloviny XX veka v ustnykh rasskazakh kharbintsev [The "Harbin Text" of the First Half of the Twentieth Century in the Oral History of Harbin Residents]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 120–135. In Russian.

Ryabchenko N. P. (2013) Istoriya Kitaya v XX veke [The History of China in the Twentieth Century]. *Rossiya i ATR* [Russia and ATR]. 2013. No. 1 (79). Pp. 128–132. In Russian.

Zabyako A. A. (2017) Semeinye memoraty russkikh Trekhrech'ya kak osnova rekonstruktsii istoricheskikh protsessov i etnokul'turnoi identifikatsii v kitaiskoi srede [Family Memories of Russians of Tryokhrech'e as the Basis for the Reconstruction of Historical Processes and Ethnocultural Identification in the Chinese Environment]. In: Zabyako A. A., Zabyako A. P. *Russkie Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoi samobytnosti* [Russians of Tryokhrech'e: the Bases of Ethnocultural Distinctiveness]. Novosibirsk: IAET SO RAN. Pp. 182–209. In Russian.

Zabyako A. A., Zabyako A. P., Zinenko Ya. V., Zhang Ruyang (2016) Semeinye memoraty russkikh Trekhrech'ya kak osnova rekonstruktsii istoricheskikh protsessov i etnokul'turnoi identifikatsii v kitaiskoi srede [Family Memories of Russians of Tryokhrech'e as the Basis for the Reconstruction of Historical Processes and Ethnocultural Identification in the Chinese Environment]. *Rossiya i ATR* [Russia and ATR]. 2016. No. 3. Pp. 185–198. In Russian.

Zabyako A. A., Zinenko Ya. V., Zhang Ruyang (2018) Besedy s russkoi kharbinkoi: Lyubov' Nikolaevna Li [Conversations with a Russian Resident of Harbin: Lyubov Nikolaevna Li]. In: *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh*.

Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda [Russia and China on the Far Eastern Borders. Russian Emigration in China: The Experience of Emigration]. Iss. 12. Ed. by A. P. Zabyako, A. A. Zabyako. Blagoveshchensk: AMGU. Pp. 212–229. In Russian.

Zabyako A. A., Zinenko Ya. V., Zhang Ruyang (2020) "Mama — russkaya, papa rodnoi — kitaets, vtoroi papa — kitaets": memoraty potomkov russko-kitaiskikh brakov v Amurskoi oblasti ["Russian Mother, Chinese Father, Chinese Second Father": Memories of Descendants of Russian-Chinese Marriages in the Amur Region]. In: *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Narody i kul'tury Severo-Vostochnogo Kitaya [Russia and China on the Far Eastern Borders. Peoples and Cultures of North-Eastern China]. Ed. by A. P. Zabyako, A. A. Zabyako. Blagoveshchensk: AmGU. Pp. 314–336. In Russian.

Zabyako A. P. (2010) Porubezh'e [Frontier]. In: *Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh*. Russkie i kitaitsy: regional'nye problemy etnokul'turnogo vzaimodeistviya [Russia and China on the Far Eastern Borders: Regional Problems of Ethnocultural Interaction]. Iss. 9. Ed. by A. P. Zabyako. Blagoveshchensk: AmGU. Pp. 6–11. In Russian.

Zabyako A. P., Kobyzov R. A., Ponkratova L. A. (2009) Russkie i kitaitsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke [Russia and Chinese: Ethnocultural Processes in the Far East]. Ed. by A. P. Zabyako. Blagoveshchensk: AMGU. In Russian.

Zabyako A. P., Zabyako A. A. (2017) Russkie Tryokhrech'e: osnovy etnicheskoi samobytnosti [Russian of Tryokhrech'e: The Foundations of Ethnic Identity]. Novosibirsk: IAET SO RAN. In Russian.

Zhang Ruyang (2019) "Da, pokhoronili vmeste, po obychayu Sovetskogo Soyuza": pogrebal'nye traditsii russkikh Trekhrech'ya v semeinykh fotografyakh ["Yes, They Were Buried Together, According to the Custom of the

Soviet Union”: Funeral Traditions of the Russian Tryokhrechè in Family Photos]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture]. 2019. No. 4. Pp. 88–96. In Russian.

Zinenko Ya. V. (2018) “Zeiskie” kitaitsy: problema sokhraneniya etnichnosti i etnicheskoi identifikatsii kitaiskikh potomkov v Rossii [The “Zeya” Chinese: The Problem of Preserving the Ethnicity and Ethnic Identification of Chinese Descendants in Russia]. In: Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh. Russkaya emigratsiya v Kitae: opyt iskhoda [Russia and China on the Far Eastern Borders. Russian Emigration in China: The Experience of Emigration]. Iss. 12. Ed. by A. P. Zabiyako, A. A. Zabiyako. Blagoveshchensk: AmGU. Pp. 230–234. In Russian.

Zinenko Ya. V., Tsmyskal O. E. (2020) Ustnaya istoriya amurskikh kitaitsev [Oral History of the Amur Chinese]. Rossiya i Kitai: mysli o

proshlom, vzglyad v budushchee [Russia and China: Thoughts of the Past, View of the Future]. Komsomol'sk-na-Amure: AmGPGU. Pp. 299–306. In Russian.

Zinenko Ya.V., Ju Kunyi (2015) “My zhili v Kharbine, kak pri tsarskoi Rossii”: sotsiokul'turnye i etnokul'turnye protsessy 10–50-kh gg. XX v. v soznanii dal'nevostochnykh emigrantov [“We Lived in Harbin, as in Tsarist Russia”: Socio-Cultural and Ethnocultural Processes of the 1910–50s in the Minds of Far Eastern Emigres]. In: Rossiya i Kitai na dal'nevostochnykh rubezhakh. Istoricheskii opyt vzaimodeistviya kul'tur [Russia and China on the Far Eastern Borders. The Historical Experience of the Interaction of Cultures]. Iss.11. Ed. by A. P. Zabiyako, A. A. Zabiyako. Blagoveshchensk: AmGU. Pp. 353–364. In Russian.

© Ya. V. Zinenko, O. E. Tsmyskal, 2025

ABOUT THE AUTHORS

Yana V. Zinenko <https://orcid.org/0000-0001-6255-9756>

E-mail: yasya11111@mail.ru

Tel.: +7 (4162) 23-45-60

21, Ignatievskoe Hwy, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Literature and World Art Culture, Amur State University

Olga E. Tsmyskal <https://orcid.org/0000-0001-7622-7437>

E-mail: olgatsmykal@yandex.ru

Tel.: +7 (4162) 23-45-60

21, Ignatievskoe Hwy, Blagoveshchensk, 675027, Russian Federation

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Literature and World Art Culture, Amur State University



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)